

не принадлежит самому человеку, он не может говорить на языке своего Желания, ибо общество не может позволить существование множества языков (языка каждого конкретного человека), оно не готово допустить существование других сторон Смысла, Пола, Власти.

Жизнь — это предел Власти: единственное, что не подлжит комментарию,— это жизнь тела, живая плоть, взгляд и Лицо которой не могут быть в мире, поскольку открывают и превосходят мир,— поэтому Жизнь отмечает предел всякой Власти. Манипуляция видимостями, общая симуляция позволяет Власти избежать противостояния с Ничто, создать историю, произведение господства и развития Идей Разума в логике схемы «Древний мир — Средневековье — Новое время», выйти из которой — это стать «письмом, ставшим плотью, театральным иероглифом убить двойника, стереть апо-крифическое письмо, которое, крадя у меня бытие как жизнь, держало меня вдалеке от скрытой силы»¹. Присутствие, Дыхание Жизни, единство Разума и Безумия — все это, соединяясь в Лице человека, выводит его из произведения истории, в которой все лица, лица множества культур, предстают как лица Власти и где поэтому сама Власть — без Лица.

А. М. Коначкова
Екатеринбург

«ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «ТОТАЛИТАРНОСТЬ»: ЛОГИКА СО-В-МЕСТНОСТИ

Не отвергать — не значит выбирать...

Проблема политической толерантности в современных условиях приобретает особую значимость. Это определяется прежде всего ее принадлежностью к глобальной проблеме взаимоотношения личности и общества, социально-нравственных ценностей индивида и ценностей той или

¹ Деррида Ж. Вкрадчивое слово // Письмо и различие. М.: Академический проспект, 2000. С. 308.

иной политической системы. Какое воздействие и в какой степени может оказывать государство на индивида, какое место отводится механизмам принуждения, какую роль играет «внутренняя организация» в процессе восприятия социальной действительности — эти и связанные с ними вопросы получают особое звучание.

До последнего времени в современном политическом дискурсе доминирующую позицию занимает точка зрения, согласно которой понятия «толерантность» (от лат. *tolerantia* — терпение) и «тоталитарность» (от лат. *totalitas* — целостность) рассматриваются как противоположные. В рамках этого направления понятия «толерантность» и «тоталитарность» принято определять в качестве несовместимых, отрицающих друг друга. *Противопоставление* их культурной и социально-психологической специфики обладает статусом непоколебимой истины. Таким образом, с точки зрения этого дискурса сама постановка проблемы — «толерантность» и «тоталитарность» — является несколько странной, парадоксальной.

Главное препятствие видится в утверждении о том, что «тоталитарность» и «толерантность» не могут сосуществовать одновременно, в одном смысловом плане: «тоталитарность» рассматривается сугубо как результат насильственной и репрессивной деятельности государства, где власть является единственным субъектом социального изменения; тем самым сводятся на нет любые разговоры о «толерантности» относительно тоталитарных и авторитарных обществ.

Трудно не согласиться с высказыванием, что свобода немыслима без «толерантности». Таким образом, отказывая в возможности соприкосновения «толерантности» и «тоталитарности», мы неизбежно должны согласиться и с другим высказыванием — «тоталитарность» отрицает свободу абсолютно. Основанием для *противопоставления* «толерантности» и «тоталитарности» является свобода, точнее, ее наличие или отсутствие.

Очевидно, что недостаточно констатировать несовместимость данных позиций, необходимо видеть за совокупностью этих явлений нарастающее внутреннее противоречие и напряженность. Свобода заложена в самой сущности чело-

века, а значит, невозможно говорить об абсолютном отрицании свободы,— отрицая свободу, мы тем самым лишаем человека его *человеческого достоинства*, его *прав* и даже его *обязанностей*. Возможный путь разрешения этих проблем — отыскание компромисса — признание того, что обе позиции («тоталитарность» и «толерантность») непрерывно взаимодействуют между собой.

Большинство современных исследователей, анализирующих и пытающихся описать «толерантность» как политическое явление, неизбежно сталкиваются с рядом проблем. В сфере политики феномен «толерантности» зачастую характеризуется как «терпимость», когда индивидуальное подменяется общественным, а личные интересы — государственными. Такая постановка вопроса приписывает человеку (субъекту политики) пассивную позицию, *терпимость* становится синонимом *смиренности и подчиненности*.

Отказавшись от понимания «толерантности» в узком смысле слова — как «терпимости»,— можно сказать, что «толерантность» включает в себя некую форму «*принятия*» существующего порядка вещей. «Толерантность» не тождественна «конформизму» (от лат. *conformis*) — не означает вынужденное приспособление, терпение. Это *способ-быть* в мире, где человек *не свободен выбирать* и *не свободен игнорировать*.

Человек вступает в мир, где, кажется, не осталось ничего прямо и непосредственно данного, наличного, несомненного,— он не знает *ни кто он есть*, ни каково его *место в мире*. Человек испытывает острую потребность что-то сделать, предпринять, к чему-то устремится. Ему необходимо «... выделить себя на фоне жизни...»¹, *быть обнаруженным*. Он испытывает «... острое чувство непрочности бытия... “*необязательности*” собственного существования...»² Человек стремится «*вписаться*» в мир, найти свое место в социальной иерархии. Он вынужден искать точку

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Эссе феноменологической онтологии // От Я к Другому. Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Мн., 1997. С. 167.

² Козлова Н. Н. Заложники слова? // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 131.

опоры в этом чуждом для него мире — точку их *со-принадлежности* друг другу.

Человек пребывает как раз в точке пересечения всех определений мира. Понять себя человек может, только «показав» себя, то есть «предъ-явив». Все действия и мысли человека находятся в *со-отношении* с той структурой, которая *являет* его из хаотического мира, «... мира без фундамента, без корней, мира абсолютной неопределимости...»¹, в социальный мир, мир, где «... субъективные желания и объективные возможности соотносятся, где желают неизбежного...»²

Вместе с существованием человек получает и *способ существования*. Феномен политической «толерантности», таким образом, есть результат взаимоотношений человека с социальным миром, «тоталитарным» по своей сути. Это своеобразная плата за тот *социальный комфорт*, который ему предоставляется. А именно: общество конституирует человека в *новом типе бытия* — человек признает, что он есть такой, каким его видит общество. Такой человек «... не устремляет свою волю на то, чтобы сохранить самобытность и прожить жизнь по-своему... Для него естественно встраиваться в организацию... и повиноваться...»³

Жизнь человека пред-определена, пред-задана — он начинает играть роль, и «... вся его сущность сводится к этой роли. За пределами роли как бы ничего и нет, пуста»⁴. Речь идет о «человеке на своем месте», об ощущении человеком собственной позиции в системе общественных отношений. Такой человек делает то, что *должен делать*, признавая, что создан для того, что делает, и *иного не дано*.

Это яркий пример того, как *внешнее* по отношению к человеку явление (социальная роль) воспринимается им как результат его собственного *воления*. Происходит подмена «содержания» *самоактуализации* — человек есть тот, кем он вынуждает себя быть; он настолько срастается

¹ Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Мн., 2001. С. 57.

² Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М., 1998. С. 161.

³ Гвардини Р. Конец нового времени // Вопр. филос. 1990. № 4. С. 144—145.

⁴ Козлова Н. Н. Заложники слова? // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 104.

с ролью, что она становится его сущностной частью — каркасом мировосприятия, мышления, поведения.

Человек в рамках общества воспринимается не как конкретная личность, а как общий тип, «социальное лицо», которое является *единым для всех*. Здесь человеческое бытие сужается до рамок социальной роли, упраздняется сама идея свободного действия. Таким образом, человек «... перестает быть личностью... он забывает себя, теряет свое лицо...»¹ Человек для общества не является чем-то примечательным — общество формально относится к людям как к типам, как если бы они были одинаковыми. По определению все типическое взаимозаменяемо.

«Тотальная» *пред-определенность* перерастает в «скольжение» по жизни. Человек полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится таким, как все остальные, таким, каким хотят его видеть. Происходит абсолютное самоотречение в том смысле, что любой человек ничего не значит, утрачивается интерес к собственному благополучию, исчезает источник всех тревог и забот, которые делают человеческую жизнь беспокойной и наполненной страданиями.

Человек живет и считает себя защищенным и свободным. Свободным от необходимости думать о завтрашнем дне, от тяжелого бремени выбора, от индивидуальности и связанной с ней проблемы самореализации. «Скольжение» по жизни не предполагает самостоятельности, критичности, оригинальности, решимости, инициативности, достаточно совершать «правильные» действия в рамках структуры — «... искать удовлетворения своих... запросов в русле заранее предусмотренных и предписанных форм... поведения»². Общество «воспитывает» в человеке некую *пред-расположенность*, «стимулирует» в нем внутреннюю готовность *действовать определенным образом*.

Однако знание того, что именно *надо делать*, не всегда совпадает с сознательным *намерением* человека, с его актуально существующими желаниями. Человек не может весь

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 205.

² Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 228.

и до конца «вписаться» в социальную роль, в нем «... всегда остаются нереализованные потенции и неосуществленные требования...»¹ Несоответствие «внутреннего содержания» человека его официальному положению в обществе (статусу) образует базовое противоречие. Таким образом, сознание человека распадается на составляющие части: в одном случае оно приобретает черты «внешней лояльности», в другом — происходит «внутреннее отчуждение», неприятие официальных ценностей. Наличие «раздвоенного сознания» свидетельствует о кризисе общества — нарушается равновесие.

Все политические и социальные процессы заключены между этими двумя полюсами — «тоталитарностью» и «толерантностью». Таким образом, они представляют собой некую целостность, а не отрицают друг друга — «толерантность» (*принятие*) обеспечивает более эффективное воздействие на человека, «насаждая» в его сознании прочные социальные стереотипы. Через «толерантность» достигается полная и безусловная лояльность. В то же время — она служит способом легитимации власти.

«Толерантный» человек — это человек, стоящий «на точке зрения целого», когда его ценностные ориентации, индивидуальные интересы, мышление и убеждения полностью подчинены *всеобщему*.

В. С. Мартьянов
Екатеринбург

ЛОГИКА ВЛАСТИ В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исходным пунктом проблемы является самоочевидное положение о том, что в политологии метод и представление о политике задаются прежде всего самой политической властью, в форме традиционной структурной идеологии, которая строится по принципам формальной логики. При

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. С. 479—480.